

УДК 821.161.1–311.6+811.161.1’373.232.1

А. А. Фомин

Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)
ant@isnet.ru

**КВАДРАТУРА КРУГА СЕМЬИ КАРЕНИНЫХ:
ОБ АССОЦИАТИВНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ
ДВУХ ФАМИЛИЙ ГЛАВНОЙ ГЕРОИНИ РОМАНА
Л. Н. ТОЛСТОГО**

К л ю ч е в ы е с л о в а: литературная ономастика, поэтическая ономастика, литературный оним, поэтоним, имя собственное в художественном тексте, поэтика имени собственного, фоносемантика имени собственного в тексте, ассоциативный фон собственных имен.

В статье рассматривается ассоциативный потенциал фамилий *Каренина* и *Облонская*, принадлежащих героине известного романа. Являясь кореферентными онимами, обе фамилии формируют в художественном тексте коррелирующие ассоциативные ряды (*Каренина* — *каре* — квадрат; *Облонская* — *обльй* — круг), взаимодействие которых приводит к активизации смыслообразующего потенциала данных поэтонимов. Каждая из фамилий становится ономастическим знаком для целого комплекса смыслов, связываемых с представлением об определенном геометрическом символе — квадрате или круге. Сопоставление и противопоставление этих смыслов, опирающиеся на традиционную противопоставленность круга и квадрата в пространстве культуры, используются автором романа в качестве важного художественного средства для углубления образного и концептуального планов произведения.

© Фомин А. А., 2012

Вопросы ономастики. 2012. № 2 (13)

1

В этой статье рассматриваются две фамилии главной героини романа «Анна Каренина» в аспекте их ассоциативного потенциала, т. е. способности данных антропонимов вызывать у читателей определенные ассоциации, важные для формирования художественных образов и в конечном счете для рецепции всего произведения. Как известно, главная героиня, будучи урожденной Облонской, после замужества с Алексеем Александровичем Карениным принимает его фамилию и начинает именоваться Анной Аркадьевной Карениной. На протяжении всего романа она номинируется этой фамилией, между тем как ее прежняя, девичья фамилия не упоминается в тексте романа ни разу.

О том, как в произведении появилась фамилия *Каренин* (в ее мужском варианте) сохранилось свидетельство старшего сына писателя С. Л. Толстого. В статье «Об отражении жизни в “Анне Карениной”» он вспоминает: «Лев Николаевич начал с декабря 1870 г. учиться греческому языку и скоро настолько освоился с ним, что мог восхищаться Гомером в подлиннике. В 1876 или 1877 г. я под его руководством с большим интересом прочел два отрывка из “Одиссеи”. Однажды он сказал мне: “Каренон — у Гомера — голова. Из этого слова у меня вышла фамилия Каренин”». Далее автор статьи высказывает предположение: «Не потому ли он дал такую фамилию мужу Анны, что Каренин — головной человек, что в нем рассудок преобладает над сердцем, то есть чувством?» [Толстой, 1939, 569].

Свидетельство близкого писателю человека о происхождении фамилии *Каренин* весьма ценно своей достоверностью. Не случайно впоследствии на него многократно ссылались составители комментариев к этому толстовскому роману. Действительно, древнегреческое слово *ἄρῆνον* ‘голова’, зафиксированное в «Древнегреческо-русском словаре» [ДРС, 1, 876] со ссылкой на тексты Гомера, фонетически весьма близко фамилии персонажа. Вполне обоснованным выглядит также высказанное автором статьи мнение о мотивированности использования фамильного антропонима для номинации персонажа: одним из важнейших качеств Каренина является именно общий рациональный склад его личности, в которой эмоциональное начало полностью подчинено рассудочному, систематизирующему и схематизирующему всю окружающую жизнь.

Конечно, трудно сказать с определенностью, образовал ли Лев Толстой фамилию своего героя непосредственно от др.-греч. *ἄρῆνον*, изменив его финаль в соответствии с нормами русского антропонимикона и получив фамилию *Каренин*, или же выбрал из числа русских фамилий такую, которая в максимальной степени соотносилась бы с запомнившимся ему древнегреческим словом. Как бы мы ни истолковали приведенные выше слова Толстого, связь данного антропонима с древнегреческим словом, проявленную в авторском сознании, следует учитывать при анализе этого собственного имени.

Вместе с тем можно ли на основании слов писателя считать фамилию Каренин окказиональной, сконструированной его воображением и до момента создания отсутствовавшей в узусе носителей русского языка? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Фамилии *Каренин* и *Каренина*, безусловно, существовали и существуют не только в литературной своей ипостаси, как поэтонимы, относящиеся к персонажам известного романа, но и в реальном обиходе русского народа. В качестве доказательства укажем на факт принадлежности данной фамилии ряду носителей, упомянутых на сайте Центра генеалогических исследований [ЦГИ]. Создатели сайта приводят сведения о шестерых мужчинах с фамилией *Каренин* и трех женщинах, носивших или носящих фамилию *Каренина*. Кроме того, в списках присутствует один обладатель фамилии *Коренин*.

Происхождение узуальной фамилии *Каренин* не очень ясно. В большинстве словарей русских фамилий она не упоминается, а там, где она все же имеется, этимологическая справка столь лаконична, что оставляет немало вопросов к неизвестным авторам этимологии. Так, в электронном ресурсе «Словарь русских фамилий» обе формы фамилии *Каренин* и *Коренин* без какой-либо аргументации связываются непосредственно с прилаг. *карий* [СРФ]. При этом остается необъясненным наличие у обеих фамилий финали *-енин*, которая заставляет предполагать некоторые промежуточные этапы при переходе от апеллятива к антропониму.

Такой промежуточный прозвищный этап пытаются ввести толкователи данной фамилии, производящие ее от прозвища *Карена*, которое, в свою очередь, восходит, по их мнению, к прилаг. *карий* ‘коричневый; смуглый’ [Уфолог.РУ]. Действительно, возможность онимизации данного прилагательного фиксируется «Ономастиком» С. Б. Веселовского, где, в частности, упомянуты новгородский крестьянин *Фома Карий* и князь *Федор Андреевич Карий Елецкий* [Веселовский, 135]. У Н. М. Тупикова упоминается также московский дьяк *Семен Карий* [Тупиков, 175]. Однако насколько соответствует моделям русского диалектного словообразования производство от прилаг. *карий* деривата *карена*, который и подвергается онимизации, авторы данной этимологии умалчивают, какие-либо похожие словообразовательные модели в русских говорах они не рассматривают, и в связи с этим сама возможность возникновения прозвища *Карена* от прилаг. *карий* нуждается в дополнительном обосновании.

Впрочем, другие гипотезы происхождения фамилии *Каренин*, которые можно встретить в Интернете, убеждают еще меньше: истоки фамилии толстовского персонажа этимологи-любители ищут и в чувашском слове *карен* ‘светло-рыжий’, и в арабском личном имени *Карен*, которое на русский язык переводится как ‘щедрый, великодушный’ [Уфолог.РУ].

К этим объяснениям трудно относиться серьезно. Первая этимология сомнительна, так как неясно, где именно авторы обнаружили чувашское слово *карен* со значением ‘светло-рыжий’ и не является ли оно плодом какого-то недоразумения:

в объемном «Чувашско-русском словаре» этого слова нет, а приводится лишь слово *кёрен*, да и то со значением ‘розовый’, ‘темно-рыжий (о масти лошади)’ [ЧРС, 170]. Отсутствует лексема *карен* и в «Русско-чувашском словаре» [Егоров, 369]. Можно, конечно, предположить, что данная лексема представляет собой факт диалектного произношения, но никаких свидетельств этого у нас нет. Кроме того, неясна география распространения данной лексемы (если считать ее реально существующей); неясны пути ее проникновения в русские говоры, где она, кстати, также не зафиксирована ни в одном из доступных нам диалектных словарей; остается необъясненным также переход формы прилаг. *карен* в прозвище *Карена*, оформленное флексией *-а*; если же считать, что фамилия образовалась непосредственно от онимизированного чувашского прилагательного, то непонятно использование фамильного форманта *-ин* вместо ожидаемого *-ов*. Противоречит данной гипотезе и широкая география фамилии *Каренин* (от Украины до Сибири), не коррелирующая с территорией исторических контактов русских с чувашами. Все эти неясности заставляют отнестись к предлагаемой этимологии весьма скептически.

Не лучше и ссылка на мужское личное имя *Карен* как источник образования интересующей нас фамилии. Этот антропоним, по мнению А. В. Суперанской, заимствован в русский антропонимикон не прямо из арабского, а из армянского, причем достаточно недавно, на что указывает помета «новое» [Суперанская, 2005, 205]. В армянском же языке он, как можно предполагать, оказался благодаря тюркскому посредству: во многих тюркских языках соответствующее армянской форме *Карен* мужское личное имя *Карим*, заимствованное из арабского и восходящее к апеллятиву со значением ‘щедрый’, ‘великодушный’, ‘милостивый’, широко распространено [Гафуров, 91]. О том, что имя *Карен* в русском антропонимиконе появилось недавно, свидетельствует его отсутствие в антропонимических сводах С. Б. Веселовского и Н. М. Тупикова. Да и сейчас среди русских оно представляет большую редкость и по-прежнему сохраняет свой «кавказский» колорит. Все это не позволяет принять предлагаемую версию происхождения интересующей нас фамилии.

Таким образом, вопрос о происхождении узуальной русской фамилии *Каренин* пока далек от разрешения. К тому же, как мы видели выше, наряду с «акающей» формой фамилии существует и «окающая» — *Коренин*, и какая из этих двух форм является исходной, сказать трудно. Форма *Каренин* возникла из *Коренин* в результате закрепления на письме акающего произношения или, наоборот, форма *Коренин* появилась вследствие гиперкоррекции из варианта *Каренин*¹, без тщательного изучения антропонимических материалов разных лет по различным территориям России ответить вряд ли возможно.

¹ Показательно, что случаев написания фамилии героини Толстого через *о* (*Анна Коренина*) немало и в наши дни. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в Интернет.

Можно предложить вниманию читателей и некоторые новые возможности для объяснения происхождения данной фамилии. Так, она может восходить к русскому диалектному глаголу *корёниться* ‘вертеться’ (Орл.) и ‘упрямиться, не соглашаться с чем-л.’ (Пск., Твер.), зафиксированным в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, 14, 317]. Тогда следует предполагать образование от диалектного глагола существительного *корёня* или с отражением аканья *карёня* ‘тот, кто вертится, беспокойный, непоседливый человек’ или же ‘упрямец, спорщик’ с онимизацией его в прозвище и впоследствии возникновением отпрозвищной фамилии.

Нельзя также исключать происхождение прозвища *Карена* (*Корена*) или *Кареня* (*Кореня*) от антропонимических дериватов *Каря* или *Коря*, восходящих к некоторым личным мужским и женским именам. По сведениям А. В. Суперанской, дериват *Каря* может быть связан с личными именами *Кар*, *Карал*, *Карелл*, *Карилитп*, *Карина*, *Карион*, *Карисс*, *Каритон*, *Карп*, *Карьян* (*Кириан*) [Суперанская, 2010, 139]. Дериват *Коря* связан с личными именами *Конкордий*, *Конкордия*, *Кор*, *Кора*, *Корив*, *Коринна*, *Коринтон*, *Корион*, *Корол*, *Коронат*, *Кронид* [Суперанская, 2010, 151]. Принятие данной точки зрения снимает вопрос о первичности «окающего» или «акающего» варианта фамилии: обе ее формы могут восходить к разным дериватам различных личных имен.

2

Впрочем, для литературной ономастики, исследующей не столько этимологию реальных собственных имен, сколько их смыслообразующий потенциал в художественном произведении, ответ на вопрос о происхождении и конкретном механизме образования данного поэтонима не так уж важен. От какого бы слова ни происходила реальная фамилия *Каренин* и каким бы путем ни шел Толстой при номинации своего персонажа, путем осознанной трансформации древнегреческого существительного в русскую фамилию или путем заимствования из антропонимикона русского языка существующей в нем фамилии, которая своей формой сблизилась в его сознании с древнегреческой лексемой, бесспорно, сама эта связь (словообразовательная в первом случае и ассоциативная — во втором) отображает существенную черту художественного образа и получает в произведении эстетическую значимость.

Сложнее дело обстоит с мотивировкой женской формы фамилии *Каренина*, принадлежащей главной героине толстовского романа. Той характеризующей значимости фамилии, которая обусловлена соотношением ее с исходным древнегреческим словом, в отношении главной героини ни в малейшей степени не прослеживается. Действительно, в отличие от своего мужа, Анна никак не может восприниматься «головной», рассудочной натурой, духовная жизнь которой полностью диктуется сферой холодного рацио. Наоборот, ее жизнь, ее отношения

с окружающими, вся ее жизненная философия базируются на безусловном приоритете чувства над разумом. Анна живет прежде всего сердцем, а не умом, что, собственно, и приводит ее к трагическому финалу. В этом легко убедиться, проанализировав фрагменты романа, в которых непосредственно изображается героиня. Они насыщены лексикой эмоционального плана, называющей чувства как самой Анны, так и чувства, которые она вызывает у окружающих. Можно сказать, что эмотивная лексика занимает заметное место в лексической структуре данного персонажа, являясь важнейшим лингвистическим средством его формирования в художественном тексте. Впрочем, участие в этом принимают не только единицы лексического уровня, но и разнообразные синтаксические конструкции, используемые писателем для изображения эмоциональных состояний своей героини.

В этой связи закономерно встает вопрос: каковы те смыслы, которые возникают при номинации героини данной фамилией? Можно ли говорить о том, что в отношении ее антропоним используется немотивированно, в качестве условного ономастического знака, перенесенного с одного персонажа на другой и отражающего лишь номинативную практику того времени, когда жена должна была в замужестве принять фамилию супруга? Или характеризующие свойства данной фамилии проявляются в этом случае совсем иначе, нежели при характеристике Алексея Александровича Каренина? А если это так, то какие механизмы задействуются для реализации смыслообразующего потенциала поэтонима?

Начну с констатации достаточно очевидного факта, о котором кратко уже было сказано выше. В отличие от своего мужа, Анна Каренина является обладательницей сразу двух фамилий: во-первых, она носит фамилию мужа, принятую ею после брака с Алексеем Александровичем, и, во-вторых, ей принадлежит ее собственная фамилия, которую она носила до замужества, — *Облонская*. Первая объединяет ее с другими членами семьи Карениных (мужем и сыном), вторая — с кровными родственниками (братом Стивой и упомянутой один раз теткой княжной Облонской). Первая присвоена ей посредством специальной юридической процедуры в соответствии с общепринятой традицией именованья замужней женщины, вторая унаследована от родителей и принадлежит героине в силу ее происхождения. Нужно отметить явное неравноправие этих антропонимов в номинации героини. В самом деле, фамилия *Каренина* использована при ее обозначении в различных номинативных единицах 36 раз (без учета ее употребления в специфической позиции названия всего произведения, где она связана с другим референтом): *Каренина* — 32 раза, *Анна Каренина* — 3 раза, *Анна Аркадьевна Каренина* — 1 раз. Это явно немного: в ономастической парадигме наименований героини, насчитывающей в общей сложности 802 употребления, данные единицы составляют всего лишь 4,49 % совокупного числа используемых для ее номинации ономастических единиц. Намного чаще героиня именуется одним личным именем (709 раз, или 88,4 % процента) или личным

именем с отчеством (57 раз, или 7,11 %). Как бы то ни было, девичья фамилия при обозначении героини в тексте вообще не используется, и ее приходится устанавливать путем импликации. Впрочем, это легко сделать: неоднократно продекларированные родственные связи Анны со Стивой Облонским и наличие у них общего отчества (*Анна Аркадьевна* и *Степан Аркадьич*) свидетельствуют о кровном родстве брата и сестры и, следовательно, недвусмысленно указывают на принадлежность их к одной фамилии. Неравноправие двух именовании героини легко объяснимо: фамилия *Каренина* служит ономастическим знаком настоящего состояния героини, тогда как фамилия *Облонская* указывает на ее прошлое (детство и юность). Заметим лишь, что нас не должен смущать имплицитивный характер одного из рассматриваемых антропонимов: разнообразные импликации весьма типичны для художественного текста вообще и произведений Толстого в частности. В данном случае автор романа, несомненно, предполагает импликацию девичьей фамилии героини читателями, так как не только сообщает все необходимое для правильного вывода, но и делает это, надо сказать, довольно акцентированно, раз за разом напоминая читателям о том, что Анна приходится Стиве Облонскому сестрой.

Две фамилии героини находятся в отношении кореферентности, поскольку называют один и тот же объект художественного мира. Их кореферентный характер наводит на мысль о том, что между данными антропонимами возможно определенное смысловое соответствие, используемое автором в художественных целях. В самом деле, исследователи поэтоники уже давно обратили внимание на то, что появление в тексте кореферентных собственных имен очень часто ведет к образованию важных смысловых оппозиций между ними. Это легко объяснить: поскольку в сугубо лингвистическом аспекте наличие двух ономастических знаков для номинации одного и того же объекта в произведении избыточно, автор тогда прибегает к введению в текст или подтекст дополнительного ономастического наименования, когда видит в этом определенную эстетическую потребность.

Девичья фамилия героини *Облонская*, как и фамилия *Каренина*, относится к узуальным, наличествующим в русском антропонимиконе. Происхождение антропонима *Облонский*, женской формой к которому является фамилия Анны, кажется более прозрачным, нежели происхождение фамилии *Каренин*.

По мнению В. А. Никонова, изначально фамилия *Облонский* (как и близкая к ней по форме фамилия *Оболонский*, от которой она, не исключено, образована вследствие выпадения безударного *о*) — обозначала человека, прибывшего из места с названием *Оболонь*. Как указывает исследователь, «местечко с таким названием есть в Полтавской области» [Никонов, 84]. Добавим к этому, что название *Оболонь* носит также историческая местность на севере Киева, расположенная на правом берегу Днепра. Аналогичное объяснение происхождения фамилий *Облонский*, *Оболонский* дает Ю. А. Федосюк [Федосюк, 162]. Все указанные

топонимы восходят, в свою очередь, к диалектному географическому термину *оболонь* ‘низменный, пойменный луг’, ‘заболоченная окраина леса или поля’ [СРНГ, 22, 168]. Диалектное слово *облонь* (наряду с формой *оболонь*), демонстрирующее возможность отсутствия гласного и на апеллятивном уровне, фиксируется составителями «Словаря русских народных говоров» в значении ‘низкое место, заливаемое водой во время половодья’ [СРНГ, 22, 109]. Понятно, что данный диалектный термин легко мог стать географическим названием: примеры онимизации географических терминов в славянской топонимии чрезвычайно многочисленны.

Другое дело, что установление этимологии реальной фамилии *Облонская* оказывается малоэффективным для выявления ее смыслообразующего потенциала в тексте романа. Вероятно, отнюдь не связь с реальными топонимами или диалектными лексемами лежит в основе характеризующей способности данного поэтонима, а какие-то другие его связи и отношения. Но какие?

Можно, разумеется, рассмотреть антропонимы произведения в их отношении к прототипам персонажей, и это уже не раз делалось исследователями творчества Толстого. Фамилия персонажа в этом случае выступает как сигнал связи поэтонима с соответствующим ему протонимом — фамилией реального лица, с которым Л. Н. Толстой был знаком и которое, таким образом, претендует на роль прототипа данного персонажа. Одним из первых на возможную прототипическую значимость фамилий *Облонский*, *Облонская* указал С. Л. Толстой в своей упомянутой выше статье. Он писал: «...Лев Николаевич признал, что у него есть лица, списанные с натуры. Он нередко давал своим действующим лицам имена, похожие на имена известных ему людей; в “Анне Карениной”: *Облонский* — *Оболенский*, *Левин* — *Лев*, *Вронский* — *Воронцов*, *Щербацкие* — *Щербатовы* и др. А в своих черновиках и вариантах он иногда прямо называл своих героев именами своих знакомых» [Толстой, 1939, 567]. Впрочем, автор статьи тут же замечал: «Это не значит, что он писал их портреты. Взяты только, так сказать, скелеты; плоть и кровь того или другого лица романа взяты не только от одного человека, но и от других людей, родственников ему по типу. Поэтому можно утверждать, что все действующие лица Толстого — собирательные типы, а не портреты» [Там же, 568]. Тем не менее некоторые возможные прототипы Анны Облонской-Карениной С. Л. Толстым были указаны. В частности, среди них он называет Александру Алексеevну Оболенскую, урожденную Дьякову [Там же], а также жену знакомого Толстого, барона Владимира Михайловича Менгдена, Елизавету Ивановну Бибикову, по первому мужу княгиню Оболенскую [Там же, 570]. И та, и другая, как мы видим, носят фамилию *Оболенская*, хотя она и является для обеих приобретенной в браке.

По мнению автора статьи, «в Стиве Облонском можно также видеть черты некоторых представителей рода князей Оболенских, на что указывает и его фамилия» [Толстой, 1939, 570]. Особенное сходство со Стивой автор отмечает

в Леониде Дмитриевиче Оболенском: «Наружность Леонида Дмитриевича Оболенского (1844–1888) была похожа на наружность Степана Аркадьевича — довольно большой рост, белокурая борода, широкие плечи. Его добродушие, склонность к приятному препровождению времени также напоминают Облонского. Это подтверждается и тем, что в некоторых черновых вариантах романа Облонский назван Леонидом Дмитриевичем» [Толстой, 1939, 570].

При всей занимательности подобных поисков возможных прототипов литературных героев они, по нашему мнению, мало что дают для понимания художественного образа в силу того, что этот образ представляет собой переплавленный в тигле авторского воображения первичный материал жизненных впечатлений, мыслей, фантазии писателя, который вряд ли может быть восстановлен в своей первичной безусловной данности. Другое дело, что связь «потоним — протоним» может иметь не только прототипическую, но и художественную значимость. Фамилии *Облонский*, *Облонская*, несомненно, вызывают в памяти читателя (пускай зачастую в неотрелифированном, неотчетливом виде) воспоминание о княжеском роде Оболенских. Это смутное ощущение естественного благородства фамилии, ее принадлежности к дворянскому фамильному антропонимикону, ее, так сказать, дворянский колорит, влияют на восприятие читателем персонажа и на формирование художественного образа.

Аналогично фамилия *Каренин* за счет значительного сходства экспонентов вызывает в памяти известную дворянскую фамилию *Каверин*, тем более что ее носители оставили свой заметный след как в русской истории, так и в русской литературе (вспомним хотя бы упоминание Каверина в «Евгении Онегине»). Еще раз нужно подчеркнуть, что речь здесь идет о протонимической, а не прототипической связи, т. е. рассматриваются отношения между антропонимами (*Каренин — Каверин*, *Облонский — Оболенский*), а не между персонажем и его прототипом. Лучше всего художественную функцию подобного сближения литературного и реального антропонимов разъяснил сам Л. Н. Толстой: «Имена действующих лиц: *Болконский*, *Друбецкой*, *Билибин*, *Курагин* и др. напоминают известные русские имена. Сопоставляя действующие неисторические лица с другими историческими лицами, я чувствовал неловкость для уха заставлять говорить графа Растопчина с кн. Пронским, с Стрельским или с какими-нибудь другими князьями или графами вымышленной, двойной или одинокой фамилии. *Болконский* или *Друбецкой*, хотя не суть ни *Волконский*, ни *Трубецкой*, звучат чем-то знакомым и естественным в русском аристократическом кругу. Я не умел придумать для всех лиц имен, которые мне показались бы не фальшивыми для уха, как *Безухов* и *Ростов*, и не умел обойти эту трудность иначе, как взяв наудачу самые знакомые русскому уху фамилии и переменяя в них некоторые буквы. Я бы очень сожалел, ежели бы сходство вымышленных имен с действительными могло бы кому-нибудь дать мысль, что я хотел описать то или другое действительное лицо; в особенности потому, что та литературная деятельность,

которая состоит в списывании действительно существующих или существовавших лиц, не имеет ничего общего с тою, которою я занимался» [Толстой, 1980, 358].

То, что было сказано писателем по поводу выбора фамилий для персонажей «Войны и мира», вполне можно отнести и к принципам выбора наименований для героев «Анны Карениной». Узуальные русские фамилии *Каренин*, *Каренина*, *Облонский*, *Облонская* в романе Толстого прежде всего естественны для глаза и уха читателя: они не создают у него впечатления ни антропонимических экзотизмов, ни нарочито типизированных социальных имен-масок. Благодаря надежным ассоциативным связям со своими протонимами (а эта надежность обеспечивается значительным совпадением их экспонентов) указанные антропонимы, не нарушая естественного хода повествования, характеризуют героев и соотносят художественный мир произведения с реальной действительностью.

Но ограничивается ли ассоциативный потенциал данных собственных имен лишь организацией отмеченных протонимических отношений с реальными элементами русского дворянского антропонимикона, или наряду с этим их ассоциативная активность проявляется также в отношении других лингвистических элементов и структур?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к исследованию ассоциативного фона двух антропонимов, номинирующих главную героиню романа. Можно предположить, что ассоциативные связи фамилий помогут выявить определенное соответствие между ними и позволят тем самым установить сущность и смысл использованного писателем ономастического приема.

Инициальный компонент фамилии *Облонская* (*обл-*) на ассоциативном уровне, как нам кажется, должен быть соотнесен с ныне устаревшим прилагательным *облый* 'круглый, толстый, тучный' [БАС, 13, 169]. Эта ассоциация основывается на общности трех начальных звуков обеих лексем. Инициальную позицию в слове обычно считают наиболее информативной, значимой, в наибольшей степени определяющей восприятие слова, а потому привлекающей особое внимание реципиента. Имеются и другие факторы, дополнительно поддерживающие эту ассоциацию.

К ним относится, во-первых, графическая форма экспонента фамилии, содержащей в своей основе два гласных *о*, которые на зрительном уровне демонстрируют «округлость» фамилии (в особенности на фоне кореферентной ей фамилии *Каренина*, где соответствующая графема отсутствует). Попутно отмечу тот факт, что каждая из двух графем находится в информативно сильной позиции: в начале слова и под ударением.

Во-вторых, расчет фоносемантической значимости фамилии *Облонская*, сделанный с использованием методики и данных А. П. Журавлева [1981], показывает, что ее экспонент по шкале *округлый / угловатый*, хотя и не выходит за

пределы постулируемого отклонения в 0,5, весьма близок к этому: он по данной шкале получает оценку 2,52, которая находится на границе значимой зоны. Это означает, что антропоним явно тяготеет к полюсу *округлый*. Кстати сказать, фамилия *Каренина*, получившая оценку 3,35, наоборот, тяготеет к полюсу *угловатый*. Еще ярче это тяготение проявляется для мужского варианта данной фамилии, имеющего оценку 3,46 (опять же граница значимой зоны).

В-третьих, значению ‘толстый, тучный’ отвечает изображение основных носителей фамилии — Анны и Стивы. Оба они отнюдь не отличаются худощавым сложением. Вот несколько цитат, демонстрирующих общий для этих персонажей мотив телесной полноты, округлости.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский — Стива, как его звали в свете, — в обычный час, то есть в восемь часов утра, проснулся не в спальне жены, а в своем кабинете, на сафьянном диване... Он повернул свое *полное*, выхоленное тело на пружинах дивана, как бы желая опять заснуть надолго, с другой стороны крепко обнял подушку и прижался к ней щекой; но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.

«Там видно будет», — сказал себе Степан Аркадьич и, встав, надел серый халат на голубой шелковой подкладке, закинул кисти узлом и, вдоволь забрав воздуха в свой *широкий* грудной ящик, привычным бодрым шагом вывернутых ног, так легко носивших его *полное* тело, подошел к окну, поднял стору и громко позвонил.

Она [Анна] вышла быстрою походкой, так странно легко носившею ее *довольно полное* тело.

Анна была не в лиловом, как того непременно хотела Кити, а в черном, низко срезанном бархатном платье, открывавшем ее точеные, как старой слоновой кости, *полные* плечи и грудь и *округлые* руки с тонкою крошечною кистью.

Она была прелестна в своем простом черном платье, прелестны были ее *полные* руки с браслетами, прелестна твердая шея с ниткой жемчуга, прелестны вьющиеся волосы расстроенной прически, прелестны грациозные легкие движения маленьких ног и рук, прелестно это красивое лицо в своем оживлении...

Полнота и округлость рук, плеч, груди Анны, сочетающиеся с грациозностью ее движений, отмечаются далее на протяжении всего текста романа.

Впрочем, вследствие редкости устаревшего слова *облый* ассоциативная связь его с фамилией не становится слишком очевидной, навязчивой для читателя; она всего лишь включается в ассоциативный фон антропонима, но не претендует при этом на роль выдвинутого элемента этого фона, исчерпывающе объясняющего внутреннюю форму фамилии. Иными словами, данная ассоциация не декларируется автором открыто и недвусмысленно, а предлагается читателю в качестве потенциальной, рассчитанной на его неотрефлектированное восприятие. Читатель должен не связать осознанным усилием разума нужные ассоциаты, а смутно почувствовать, что фамилия *Облонская* очень подходит героине, соответствуя ее описанию.

Но какое отношение имеет данная ассоциативная связь (если допустить ее в качестве особого авторского приема характеристики персонажа) ко второй фамилии, полученной Анной после замужества? Фамилия *Каренина* формирует в тексте собственный ассоциативный фон. Весьма вероятно соотнесение ее с заимствованным из французского в русский язык апеллятивом *каре* 'способ построения пехоты в форме четырехугольника', а также в расширительном значении 'о чем-либо имеющем форму четырехугольника'. Кроме того, фамилия может быть соотнесена и непосредственно с французским существительным *carré*, означающим 'квадрат' [СИС, 217]. Прошедший военную службу и хорошо знакомый с военным делом, Толстой, несомненно, много раз сталкивался в своей жизни с этим военным термином и сам неоднократно употреблял его в своих произведениях. К слову сказать, существительное *каре* в его «военном» значении встречается в тексте данного романа:

— Я, как человек, — сказал Вронский, — тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит. А что физической энергии во мне довольно, чтобы врубиться в каре и смять или лечь, — это я знаю.

Нет сомнения, что Толстому, прекрасно владевшему французским языком (а на вступительном экзамене в университет он, как известно, получил по этому предмету высший балл «5+»), было хорошо знакомо данное слово. Ассоциативная связь поддерживается фактом включения русского слова в графический экспонент фамилии, где оно занимает опять же информативно сильную начальную позицию. Совпадает в апеллятиве и антропониме также позиция ударения (второй слог).

Таким образом, если девичья фамилия героини вызывает представление (пусть смутное, неосознаваемое на логическом уровне) о такой геометрической фигуре, как *к р у г*, то фамилия по мужу (а точнее, фамилия мужа, принятая ею) — представление о другой геометрической фигуре — *к в а д р а т е*. Вряд ли эти ассоциации геометрического плана случайны. Круг и квадрат, пожалуй, две наиболее нагруженные символическими коннотациями геометрические фигуры из всех имеющихся. В этом отношении с ними соперничать может разве что крест, также аккумулирующий богатую и разнообразную символику.

Еще более укрепляет в мысли о неслучайности геометрических ассоциаций обеих фамилий обращение к ранним редакциям романа. В первоначальной редакции (надо сказать, значительно отличавшейся от окончательной) главная героиня была названа Татьяной Сергеевной Ставрович, а ее муж — Михаилом Михайловичем Ставровичем. Данная фамилия может быть сопоставлена с древнегреческим существительным *σταυρός* 'крест' [ДРС, 2, 1500]. Любопытно, что именно с этим древнегреческим словом разными авторами сопоставлялась фамилия персонажа «Бесов» *Ставрогина*, схожая с фамилией *Ставрович* своей инициальной частью. Как известно, роман Достоевского публиковался в 1871—

1872 гг. Роман же «Анна Каренина» начал писаться в феврале 1873 г. (хотя был задуман автором тремя годами ранее), так что определенное влияние фамилии *Ставрогин* на выбор Толстым именованья для своих героев нельзя исключать. Впоследствии Толстой отказался от первоначальной фамилии семейной четы и заменил ее на фамилии *Каренин*, *Каренина*, вошедшие затем в окончательную редакцию романа. Разумеется, о причинах замены можно только догадываться. Не исключено, что свою роль сыграло нежелание Толстого допустить возможные ассоциации с фамилией героя «Бесов». Нельзя, однако, исключить и другого объяснения замены фамилии героини *Ставрович* на *Каренина*. Дело в том, что символически круг и квадрат традиционно противопоставлены; они образуют оппозицию, чего нельзя сказать о круге и кресте. В словарях символов обычно указывается, что вместе с кругом квадрат составляет дуалистическую пару. Их противопоставление относится к числу чрезвычайно значимых и широко распространенных представлений, влияние которых обнаруживается на самых разных уровнях — от космологического до биологического и социального.

Таким образом, фамилии *Ставрович* и *Облонская* предлагали бы разные по смыслу геометрические, но вовсе не противостоящие друг другу символы. Автору же, по всей видимости, требовались сопряженные в пространстве культуры символы, значение которых проявлялось бы именно в противопоставлении.

На наш взгляд, наличие в черновых редакциях романа фамилии, отсылающей к представлению о еще одной символически значимой геометрической фигуре, окончательно доказывает неслучайный характер вышеописанных ассоциаций.

И все же, чтобы избежать упреков в излишней субъективности наших выводов и придать им более объективный характер, мы провели небольшой эксперимент, позволивший оценить восприятие двух данных фамилий русскоязычной аудиторией. В эксперименте приняли участие студенты шести групп физико-технического института Уральского федерального университета. Каждый из участников ответил на вопросы специально составленной анкеты. Вот как выглядела данная анкета:

1. Читали ли вы роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»?
  - а) Да.
  - б) Нет.
  - в) Читал, но давно и не помню его содержания.
  - г) Начинал читать, но не дочитал до конца.

2. Одной и той же героине романа Л. Н. Толстого принадлежат две приведенные ниже фамилии. Из двух геометрических фигур выберите для каждой из этих фамилий такую, которая, по вашему мнению, в наибольшей степени соответствует звучанию данной фамилии. Нарисуйте ее рядом с соответствующей фамилией. Нельзя относить одну и ту же фигуру сразу к обеим фамилиям!

- Список фамилий (по алфавиту): Каренина, Облонская.
Перечень фигур (по алфавиту): квадрат, круг.

Участник опроса, таким образом, оказывался перед необходимостью соотнести каждую из двух фамилий героини с соответствующей геометрической

фигурой, список которых был предельно сужен. Эксперимент носил направленный характер: мы сознательно ограничили перечень геометрических фигур, чтобы четче выявить закономерности распределения ассоциатов. Можно предполагать, что если бы мы отказались от указанного ограничения, участники опроса, не читавшие роман, но поверхностно знакомые с его фабулой, предложили бы для обеих фамилий некоторые дополнительные символы-ассоциаты, уводящие нас от нашей цели. К примеру, нельзя было бы исключить появления среди ассоциатов креста или треугольника: первого — как символа мучительной смерти (а о самоубийстве Анны Карениной, без сомнения, известно многим из тех участников опроса, кто не читал роман), второго — как символического изображения сложившихся между четой Карениных и Вронским отношений.

Результаты опроса оказались следующими. В общей сложности на вопросы анкеты ответили 82 человека. Из них 10 человек (12,2 %) сообщили, что читали роман; 49 человек (59,8 %) признались, что роман не читали; 13 человек (15,8 %) дали ответ, что читали «Анну Каренину», но давно и не помнят содержания; наконец, 10 человек (12,2 %) ответили, что начинали его читать, но до конца не дочитали. Следовательно, можно говорить о значительном преобладании среди участников опроса лиц, незнакомых или недостаточно знакомых с содержанием романа. В связи с этим следовало ожидать, что на первый план выйдут ассоциации, детерминируемые графическими экспонентами фамилий. Именно графика и стоящая за ней фонетика экспонентов, как мы предполагали, окажутся для участников эксперимента главными факторами, обуславливающими распределение ассоциатов.

Ответы на второй вопрос подтвердили это предположение. Фамилию *Каренина* с квадратом, а фамилию *Облонская* с кругом связали 60 респондентов (73,2 %); противоположное мнение высказали 22 респондента (26,8 %). Преобладание ответов первой группы над ответами второй весьма значительно: с небольшим округлением три четверти опрошенных подтвердили своими ответами сформулированную ранее гипотезу об ассоциативных связях фамильных антропонимов. Трудно объяснить такой результат чистой случайностью, тем более что он поддерживается и обосновывается рядом соображений, уже высказанных выше. Следовательно, утверждение о наличии в ассоциативном фоне каждой из двух фамилий взаимосвязанных и взаимозависимых ассоциатов *круг* и *квадрат* можно считать доказанным. Нужно оговориться лишь, что наш вывод, разумеется, не требует автоматически принять положение о том, будто автор романа совершенно сознательно и отрефлектированно использовал данные геометрические символы, «зашифровав» их в фамилиях. Экспоненты антропонимов и текст романа приводят читателя к данным ассоциативным сближениям, но не в нашей компетенции утверждать, насколько творческая воля автора контролировалась механизмами его рационального сознания. Мы ограничимся констатацией тех положений, которые можно считать, на наш взгляд, установлен-

ными: 1) фамилия *Облонская* при направленном поиске ассоциатов антропонима позволяет обнаружить связь с такой геометрической фигурой, как *круг*; 2) фамилия *Каренина* при направленном ассоциировании сближается еще с одним геометрическим ассоциатом, каковым является *квадрат*; 3) данные геометрические ассоциаты, рассмотренные как культурные символы, находятся в отношении противопоставления.

3

Другое дело, как интерпретировать это противопоставление круга и квадрата, задаваемое двумя фамилиями главной героини. Символические коннотации и той, и другой фигуры столь многочисленны и разнообразны, что исчерпывающе осветить вопрос об их использовании в романе, не представляется возможным. Тем более это невозможно в рамках данной статьи. Отметим лишь некоторые символические значения этих фигур.

Так, в европейской традиции круг почти универсально связывается с женским или материнским началом, тогда как квадрат передает представление о мужском или отцовском начале. В связи с этим напомним, что девичья фамилия *Облонская* является для героини своей, полученной при рождении, а фамилия *Каренина* получена ею от мужа и является для нее, по сути, чужой и навязывается ей общественной традицией.

Фамилия *Облонская* — наименование прошлого состояния героини, ее детства и юности, тогда как фамилия *Каренина* — знак ее теперешней жизни под юрисдикцией и властью супруга. Закономерно, что воспоминание о детстве и юности, которому предается Анна в разговоре с Кити, вызывает в ее памяти именно образ круга:

— О! как хорошо ваше время, — продолжала Анна. — Помню и знаю этот голубой туман, вроде того, что на горах в Швейцарии. Этот туман, который покрывает все в блаженное то время, когда вот-вот кончится детство, и из этого огромного *круга*, счастливого, веселого, делается путь все уже и уже, и весело и жутко входить в эту анфиладу, хотя она кажется и светлая и прекрасная...

Из круга героиня переходит в анфиладу (*анфилада* — ‘ряд комнат, сообщающихся друг с другом дверными проемами, расположенными на одной оси’ [СИС, 46]), что неизбежно вызывает представление о четырехугольнике, так как и комната, и дверной проем обычно прямоугольной формы.

Фамилия *Каренина*, принятая от мужа и потому чужая для героини, посредством ассоциации с квадратом символически выражает представление о тех качествах, которые присущи ему, а не ей.

В психогеометрической методике определения типа личности, предложенной американским психологом С. Деллинджер, психологический облик человека, ассоциирующего себя с квадратом, изображается следующим образом:

«Если Вашей основной формой оказался Квадрат, то вы — неутомимый труженик! Трудолюбие, усердие, позволяющее добиваться завершения работы, — вот чем, прежде всего, знамениты истинные Квадраты. Выносливость, терпение и методичность обычно делают Квадрата высококлассным специалистом в своей области. Этому способствует и неутолимая потребность в информации.

Квадраты — коллекционеры всевозможных данных. Все сведения систематизированы, разложены по полочкам. Поэтому Квадраты заслуженно сльвут эрудитами, по крайней мере, в своей области. Мыслительный анализ — сильная сторона Квадрата. Если вы твердо выбрали для себя Квадрат — фигуру линейную, то, вероятнее всего, вы относитесь к «левополушарным» мыслителям, т. е. к тем, кто перерабатывает данные, говоря языком информатики, в последовательном формате: а-б-в-г и т. д.

Квадраты скорее “вычисляють” результат, чем догадываются о нем. Квадраты чрезвычайно внимательны к деталям, подробностям. Квадраты любят раз и навсегда заведенный порядок. Идеал Квадрата — распланированная, предсказуемая жизнь, и ему не по душе «сюрпризы» и изменения привычного хода событий. Он постоянно упорядочивает, организует людей и вещи вокруг себя. Чрезмерное пристрастие к деталям, потребность в дополнительной, уточняющей информации для принятия решения лишает Квадрата оперативности. Аккуратность, порядок, соблюдение правил и приличий могут развиться до парализующей крайности. И когда приходит время принимать решение, особенно связанное с риском, с возможной потерей статус-кво, Квадраты вольно или невольно затягивают его принятие. Кроме того, рациональность, эмоциональная сухость и холодность мешают Квадратам быстро устанавливать контакты с разными лицами. Квадрат неэффективно действует в аморфной ситуации» [ПИФР].

Как бы ни относиться к данной методике (а ее эффективность признается далеко не всеми [Шмелев]), совпадение предлагаемых характеристик типа личности, символизируемого квадратом, и психологических черт Алексея Александровича Каренина, чья фамилия продуцирует ассоциацию с квадратом, весьма велико.

Добавим, что в геральдике квадрат традиционно обозначает постоянство, справедливость, правду и верность. Квадрат, будучи совершенной фигурой, символизирующей в христианской традиции постоянство, основательность и стабильность, положен в основание зданий многих церквей и замкнутого пространства садов, монастырей и дворов. Совершенство квадрата являет собой образец равновесия, а сам он как бы воплощает идеально уравновешенного индивида, тело которого безусловно подчиняется требованиям разума.

В психогометрической интерпретации С. Деллинджер фигура круга означает гармоническое единство личности:

«Это мифологический символ гармонии. Тот, кто уверенно выбирает его, искренне заинтересован в хороших межличностных отношениях. Высшая ценность для Круга — люди, их благополучие. Круг — самый доброжелательный из пяти форм. Он чаще всего служит тем “клеем”, который скрепляет и рабочий коллектив, и семью, т. е. стабилизирует группу.

Круги — самые лучшие коммуникаторы среди пяти форм, прежде всего потому, что они лучшие слушатели, они обладают высокой чувствительностью, развитой эмпатией — способностью сопереживать, сочувствовать, эмоционально отзываться на переживание другого человека. Круг ощущает чужую радость и чувствует чужую боль как свою собственную.

Для Круга нет ничего более тяжелого, чем вступать в межличностный конфликт. Круг счастлив тогда, когда все ладят друг с другом. Поэтому, когда у Круга возникает с кем-то конфликт, наиболее вероятно, что Круг уступит первым.

Круг — это нелинейная форма, и те, кто уверенно идентифицирует себя с Кругом, скорее относятся к «правополушарным» мыслителям. Правополушарное мышление — более образное, интуитивное, скорее интегративное, чем анализирующее. Поэтому переработка информации у Кругов осуществляется не в последовательном формате, а скорее мозаично, прорывами, с пропуском отдельных звеньев. Это не означает, что Круги не в ладах с логикой, просто формализмы у них не получают приоритета в решении жизненных проблем. Главные черты их стиля мышления — ориентация на субъективные факторы проблемы (ценности, оценки, чувства и т. д.) и стремление найти общее даже в противоположных точках зрения. Можно сказать, что Круг — природный психолог» [ПИФР].

В этом описании можно найти много личностных черт, присущих как Стиве Облонскому, так и Анне Карениной, урожденной Облонской, т. е. носителям фамилии, продуцирующей ассоциацию с кругом.

Однако символика круга и квадрата не ограничивается личностно-психологической сферой. Квадрат является символом земной, материальной жизни, жизни тела в противоположность кругу, символизирующему жизнь духа. Духовные поиски и душевные страдания героини, ведущие ее к гибели, таким образом, как бы изначально заложены в ее первоначальной фамилии.

Амбивалентными являются символические значения круга и квадрата в оппозиции *жизнь / смерть*. С одной стороны, поскольку круг передает идею вечного движения, а квадрат — неизменности, неподвижности, он может восприниматься как фиксация смерти при противопоставлении динамическому циклу жизни и движения. С другой стороны, так как в христианской традиции квадрат служит символом земли и земной юдоли, он, наоборот, может толковаться в качестве символа земного существования в противоположность кругу — символу небесного существования души после смерти. К примеру, в религиозной живописи квадратная форма нимба используется при изображении еще живущих на момент создания картины людей — властителей, римских пап, основателей храмов и монашеских орденов и др., в то время как нимбы, изображаемые над головами умерших людей, всегда имеют круглую форму. Эта амбивалентность позволяет по-разному соотносить образ и соответствующий ему символ, направляя символические коннотации геометрических фигур на различные элементы образной структуры персонажа и формируя перспективу его интерпретации.

Согласно философии Карла Густава Юнга, квадрат, соответствующий наименьшему из составных чисел (4), символизирует разобщенное состояние человека, не достигшего духовного совершенства и единства с самим собой, а круг, как было сказано выше, является символом совершенного состояния. В этом отношении переход к принимаемой героиней фамилии мужа символизирует утрату ею состояния внутреннего совершенства, единства своего внутреннего мира и возникновение нарастающего душевного разлада.

В магии широко распространено представление о защитной роли круга. Магический круг, как известно, является непременным элементом традиционной разметки места для магических операций. Существует немало легенд о том, что духи не видят мага, находящегося в круге, но могут растерзать его при нарушении границ магического круга. Подобные представления отражены и в ряде литературных произведений (например, в гоголевской повести «Вий»). В этой связи утрата героиней своей девичьей фамилии, ассоциирующейся с магическим защитным кругом, символически предсказывает попадание во власть злых духов и неминуемую гибель. К такой интерпретации ассоциативного фона фамилии *Облонская* подталкивают некоторые фрагменты романа.

Но каждый раз, как он [Каренин] начинал говорить с ней, он чувствовал, что тот *дух зла и обмана*, который владел ею, овладевал и им, и он говорил с ней совсем не то и не тем тоном, каким хотел говорить.

Анна стояла наверху пред зеркалом, прикалывая с помощью Аннушки последний бант на платье, когда она услышала у подъезда звуки давящих щебень колес. «Для Бетси еще рано», — подумала она и, взглянув в окно, увидела карету и высывающуюся из нее черную шляпу и столь знакомые ей уши Алексея Александровича. «Вот некстати; неужели ночевать?» — подумала она, и ей так показалось ужасно и страшно все, что могло от этого выйти, что она, ни минуты не задумываясь, с веселым и сияющим лицом вышла к ним навстречу и, чувствуя в себе присутствие уже знакомого ей *духа лжи и обмана*, тотчас же отдалась этому духу и начала говорить, сама не зная, что скажет.

А она чувствовала, что рядом с любовью, которая связывала их [Анну и Вронского], установился между ними *злой дух какой-то борьбы*, которого она не могла изгнать ни из его, ни, еще менее, из своего сердца.

И смерть, как единственное средство восстановить в его сердце любовь к ней, наказать его [Вронского] и одержать победу в той борьбе, которую поселившийся в ее сердце *злой дух* вел с ним, ясно и живо представилась ей.

Объединение круга и квадрата как дуалистических противоположностей также имеет свой символический смысл. Оно обозначает интеграцию противоположных начал. Так, в христианской символике вписать квадрат в круг — значит трансформировать сферическую форму небес в прямоугольную форму земли в культовом здании, храме или церкви, опустив небо до земли и объединив четыре элемента, возвратиться к изначальному состоянию простоты в единстве.

В западной традиции представление о синтезе круга и квадрата воплощено в понятии *к в а д р а т у р ы к р у г а*. Эта известная с античных времен геометрическая задача, в соответствии с которой требуется построить с помощью циркуля и линейки квадрат, равновеликий по площади данному кругу. Мистический смысл этой задачи состоит в том, что, решив ее, адепт как бы постигает равнозначность земли и неба, пространства и времени, человека и Вселенной. В настоящее время, когда неразрешимость этой задачи доказана, квадратура круга считается одной из самых известных неразрешимых задач в истории науки.

Из геометрии данное выражение вошло в обыденный язык, где, как известно, обозначает безнадежное и бессмысленное предприятие.

Аналогичным образом представляется невозможным совместное равноправное существование двух, в сущности, неплохих людей, воплощающих противоположные личностные начала и жизненные принципы. Оба заведомо обречены на несчастье и бесплодную борьбу друг с другом, результатом которой являются боль и страдания обоих, физическая гибель одного и неискупимая вина другого. Неслучайно в 8-й части романа, описывающей события после смерти Анны, Каренин вообще не изображается, а упоминается лишь однажды: читатель узнает, что он взял на воспитание дочь Анны и Вронского. Это, вероятно, попытка искупления вины, и, по всей вероятности, тщетная. Исчезновение из повествования одного персонажа неизбежно влечет за собой исчезновение другого, как и должно быть с противопоставляемыми символами: снятие одного из членов оппозиции ведет к нейтрализации всей оппозиции. Задача о квадратуре круга не может быть решена, в том числе и художественными средствами.

Таким образом, ассоциативный потенциал двух фамилий главной героини, моделируя на образном уровне характеризуемую символическими средствами разнополярность героев, оказывает влияние и на концептуальный план текста, позволяя читателю понять роман не как плоское, морализаторское в своей сущности произведение о супружеской измене и наказании за нее, но как напряженное философское раздумье о человеке и человеческой жизни.

БАС — Большой академический словарь русского языка : в 17 т. 2-е изд., перераб. и доп. М. ; СПб., 1991.

Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974.

Гафуров А. Лев и кипарис: о восточных именах. М., 1971.

ДРС — Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий. М., 1958.

Егоров В. Г. Русско-чувашский словарь. Чебоксары, 1960.

Журавлев А. П. Звук и смысл. М., 1981.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.

ПИФР — Психология и физическая реабилитация «Линкс-Психолоджи» [сайт]. URL: <http://www.soulfit.ru/psihogeometricheskij/>

СИС — Словарь иностранных слов. М., 1987.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. М. ; Л. ; СПб., 1965. Вып. 1—...

СРФ — Словарь русских фамилий. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nashislova.ru/fam/>

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 2005.

Суперанская А. В. Словарь народных форм русских имен. М., 2010.

Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М., 1980. Т. 6. С. 356–366.

Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» // Литературное наследство. М., 1939. Т. 37–38. С. 566–590.

- Туников Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. 2004.
Уфолог.РУ. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ufolog.ru/names/>
Федосюк Ю. А. Русские фамилии : популярный этимол. словарь. М., 1996.
ЦГИ — Центр генеалогических исследований [сайт]. URL: <http://rosgenea.ru/>
ЧРС — Чувашско-русский словарь / под ред. М. И. Скворцова. М., 1985.
Шмелев А. Г. Зигзаг, лживый квадрат и... больше ничего // Human technologies: HR-лаборатория
«Гуманитарные технологии» [сайт]. URL: <http://www.ht.ru/press/articles/?view=art326>

Рукопись поступила в редакцию 17.11.2012 г.

A. A. Fomin

Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia)
ant@isnet.ru

**SQUARING THE CIRCLE OF THE KARENIN FAMILY:
ON THE ASSOCIATIVE POTENTIAL OF THE MAIN CHARACTER'S
TWO NAMES IN THE NOVEL BY LEO TOLSTOY**

К e y w o r d s: literary onomastics, poetic onomastics, literary proper name, poetonym, proper name poetics, phonosemantics of a proper name, associative background of proper names.

The article analyzes the associative potential of the family names *Karenina* (Каренина) and *Oblonskaya* (Облонская) both belonging to the main character of the famous novel. In the text, the two co-referential names form some correlated series of associations (*Karenina* — *carré* — square; *Oblonskaya* — *облы́й* — round), each name being a sign for a group of meanings symbolically linked with a square or a circle and reinforcing the semantic potential of each other. The author shows that the juxtapositions and the oppositions of the abovementioned meanings relying on the traditional opposition of squares and circles in culture are used by Tolstoy as an important means to deepen the imaginative and conceptual aspects of the novel.